

**РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И АДМИНИСТРАЦИЯ 60-х ГОДОВ
XIX – НАЧАЛА XX вв. В ВОСПРИЯТИИ ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ**

В статье показаны воззрения польских землевладельцев-«краёвцев» Северо-Западного края в 60-х годах XIX – начале XX вв. на высшую государственную власть Российской империи и местную администрацию, отражены некоторые аспекты взаимодействия местных властей и польских землевладельцев.

Ключевые слова: *Российская империя, Северо-западный край, российская администрация, польские землевладельцы-«краёвцы».*

Поражение восстания 1863–1864 гг. и последовавшие репрессии привели к усилению влияния в польском обществе белорусско-литовских губерний сторонников «примирения» с реалиями и окончательного признания российского владычества. В наибольшей степени они были представлены крупными землевладельцами-«краёвцами», генеалогические корни которых уходили в эпоху Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Деятельности «краёвцев», их культурно-психологическим особенностям уделено достаточно внимания польскими [2; 4] и белорусскими исследователями [9].

Между администрацией Северо-Западного края и местной польской землевладельческой элитой установилась сложная система взаимозависимостей. Общение с российскими властными структурами, а в начале XX в. и участие в выборных органах давало «краёвцам» богатые возможности для наблюдения и оценок. В то же время, культурно-историческая традиция, в том числе и восстание 1863–1864 гг., поддерживали между местными польскими землевладельцами и российскими властями достаточную для «взгляда со стороны» дистанцию. Таким образом, в системе российской власти место «краёвцев» возможно определить как «вовлеченных наблюдателей», используя удачный термин А. Миллера.

Рецепция российских властных структур и российской политики в белорусско-литовских губерниях местными польскими землевладельцами, практика их взаимодействия с властью до сих пор малоизучены.

Определенные возможности для освещения восприятия российской власти польскими землевладельцами Северо-Западного края дают материалы личного происхождения, прежде всего воспоминания Эдуарда Войниловича [4] и Ипполита Корвин-Милевского [3]. Крупные помещики Минской и Виленской губерний, они принимали активное участие в общественной жизни края, возглавляли губернские сельскохозяйственные общества и в начале XX в. представляли свои губернии в Государственном Совете Российской империи. Ценность их наблюдений обусловлена несомненной неординарностью авторов.

И. Корвин-Милевский получил образование в парижском Лицее Бонапарта, затем изучал юриспруденцию в Дерптском университете, а степень доктора права получил в Париже. По возвращении из Франции долгое время занимался хозяйством в своем имении, которое превратил в одно из самых успешных в Северо-Западном крае. Кроме того, он был в числе основателей Виленского губернского сельскохозяйственного общества, был издателем и редактором газеты, публицистом.

Э. Войнилович получил инженерное образование в Петербургском Императорском технологическом институте, прослушал курс Сельскохозяйственной академии в Прушкове (Силезия), работал на машиностроительных заводах Германии и Бельгии, успешно хозяйствовал в своем имении и много сделал для модернизации сельского хозяйства Минской губернии. Авторитет, влияние и дипломатические качества Э. Войниловича дали основание П. А. Столыпину охарактеризовать его как «минского Бисмарка» [5, с. 62].

Ретроспективный характер приведенной в воспоминаниях информации не умаляет ее ценности, а в ряде случаев привносит в картину восприятия российского правления в крае ценные и интересные акценты.

Так, даже для лоялистской части местного польского общества российская власть представляла силой враждебной, способной на «варварское» разрушение культурного быта и даже освященного веками социального устройства. Ярким свидетельством этому выступала для местных

землевладельцев деятельность М. Муравьева. По их убеждению «общей целью и повстанцев и Муравьева было уничтожение польских землевладельцев» [3, с. 51]. Стремление это, с точки зрения «краёвцев», гнездилося прежде всего среди мелкого и среднего российского чиновничества края. В то же время, российская монархия как таковая выступала в глазах польских землевладельцев хоть и ненадежным, но гарантом сохранения социальных устоев общества.

Ключевым фактором российской политики по отношению к польскому обществу Западного края являлась личность правившего монарха. Именно на него «краёвцы» ориентировали свою лояльность: «если и заниматься соглашательством, то только с монархом, а не с народом; от монарха можно ждать уступок, проявления милости, от народа – ни в коем случае» [6, с. 70].

Воспоминания И. Корвин-Милевского содержат оценки личных и политических качеств российских монархов Александра II, Александра III и Николая II. Они опирались как на собственные наблюдения, так и на сведения, полученные в результате общения в высших придворных и бюрократических кругах. Важнейшей для судеб белорусско-литовского края чертой этих монархов Корвин-Милевский считал «наследственную злопамятность и мстительность». По его мнению, до восстания 1863 г. Александр II относился к местным полякам вполне доброжелательно: «... чиновники... – все были поляками... Генерал-губернатор, гражданский губернатор, председатель казенной палаты... даже полицмейстер общались с поляками исключительно по-французски, десяток второразрядных чиновников общались на вполне приличном польском. Даже сам Александр II, навещая «присоединенные провинции», по пересечении Днепра или Двины переходил на французский». Во время торжественного обеда, данного в 1860 г. подольской шляхтой на здравицы ответил на «отличном польском языке» [3, с. 32–33]. Именно с личной обидой Александра II на польское общество края Корвин-Милевский связывал назначение М. Муравьева на должность виленского генерал-губернатора и последующий антипольский правительственный курс

Характеризуя правление Александра III как «свинцовое», Корвин-Милевский отмечал у императора «тупой и упрямый национализм, сочетание ограниченности и сказочного невежества с основательной внутренней совестливостью» [3, с. 133, 140]. Начало царствования Николая II многими представителями польских землевладельцев Северо-Западного края было воспринято с надеждой на смягчение ограничительного режима. Опять-таки, причину его видели в «личном расположении», будто бы сформированном связью молодого Николая и М. Кшесинской. Знаки доброжелательного отношения императора к полякам в первые годы правления увидели во время посещения императором Киева. Заметив толпу молящихся перед костелом, он приказал построить за счет казны еще один. Тогда же Николай II отменил контрибуционный денежный сбор с польских землевладельцев [3, с. 153]. Корвин-Милевский был убежден в изначальной благосклонности Николая II к полякам, «про которого ... всем польским деятелям ... повторял, что если и имеем во всем государстве российском одного действительно доброжелательного к нам и влиятельного человека, то этот человек и есть Николай II» [3, с. 193].

«Краёвцы» внимательно относились к любым сведениям, отражавшим отношения внутри царской семьи. Властные амбиции вдовствующей императрицы, а затем и императрицы Александры Федоровны, получившей в придворных кругах Германии характерное прозвище «die böse Alice» – «злая Алиса», их настоящие или предполагаемые намерения рассматривались как существенный фактор влияния на политический курс [3, с. 152]. Управленческие и человеческие качества последнего императора, «до самой своей смерти морально несовершеннолетнего», оценивались достаточно критически [3, с. 153]. Превращение Николая II в «упорного и неумолимого врага поляков» склонны были объяснять «грубиянским афронтом, который ни один из монархов, а уж тем более ни один из Романовых, ни забыть, ни простить не мог», устроенным представителями «Польского кола» во II Государственной Думе. Во время церемонии открытия Думы депутаты-поляки вместе с социал-демократами демонстративно отказались почтить вставанием приветствие императора [3, с. 193, 260].

Не последнюю роль для польского общества и его жизнедеятельности играли личные отношения с представителями администрации. Э. Войнилович подчеркивал позднее в своих воспоминаниях: «сейчас слова «связи и взаимоотношения» звучат неуместно, но тогда, когда любая общественная инициатива сама по себе выглядела подозрительно, без них было не обойтись» [5, с. 45]. Сближению высших представителей российской администрации с польскими помещиками в ряде содействовала общая принадлежность к классу землевладельцев. Богатый землевладелец И. Корвин-Милевский с удовлетворением отмечал: «оказалось, что под военным мундиром (виленского генерал-губернатора – В.М.) Троицкого скрывался ... состоятельный помещик тверской

губернии, который как таковой чувствовал себя гораздо более близким помещику и консерватору Корвин-Милевскому, чем «шавке» из собственной канцелярии» [3, с. 159].

Повседневным регулятором взаимоотношений выступало взяточничество российских чиновников, в ретроспективе получившее у И. Корвин-Милевского неожиданно положительную оценку: «институция если и не достойная похвалы, то, по крайней мере, некоторого уважения. Имея тысячелетнюю историю, сформировала ... свою особую этику, которую можно сравнить с куртуазным этикетом... Главными основаниями этой взяточнической этики, чрезвычайно ценными для частных лиц, были: *primo*, взятку давали в соответствии с рангом чиновника (по чину), *secundo*, размер взятки прямо зависел от цены интереса и от сложности его достижения, *tertio*, взяточник брал, но так же и делал. Когда мой брат ... обвинил перед губернатором Стеблин-Каменским какого-то полицейского в том, что тот взятки берет, а обещанного дела не решает, то губернатор... в чрезвычайном возмущении распекал полицейского не за то, что брал, а лишь за то, что ничего не выполнил. Это был порядок, при котором человек мог вести хозяйство» [3, с. 134–135]. Попутно Корвин-Милевский отмечал, что российские чиновники «...знали в совершенстве законы, однако не знали *права* (выделено Корвин-Милевским – *В.М.*)...; при этом все они отлично знали настоящую чиновничью науку, которую мне как-то преподавал один чиновник – помилуйте, ... Иван Иванович никогда карьеры не сделает, он всегда не ту руку целует» [3, с. 228].

С 70-х гг. XIX в. наиболее явным и повседневным выражением российской политики в Северо-Западном крае был запрет на употребление польского языка. Словесный этикет, однако, в ряде случаев «смягчал» действие ограничительного законодательства. Прямые запреты на публичное использование польского языка, сохранявшиеся со времени Муравьева вплоть до начала XX в., отчасти компенсировались негласными нормами. С представителями высших кругов местного польского общества виленские генерал-губернаторы большей частью общались по-французски, по замечанию А. Мейштовича – на «дипломатическом языке» [1, с. 239]. Генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский в 1904 г. признавал: «... настолько, насколько разговор не имеет частного характера, в Северо-Западном крае раздается исключительно русская речь. ...Однако было бы ошибочно думать, что польское общество готово идти уже теперь, в смысле употребления русской речи, дальше, чем того требуют официально-общественные обязанности. Как в былое время, так и теперь поляки в сношениях с русскими охотно заменяют русский язык французским» [8, л. 60 об.]. По воспоминаниям Л. Д. Любимова, его отец – виленский губернатор в 1906–1912 гг. – в общении с поляками следовал точно соблюдаемому этикету: «на официальном приеме мой отец разговаривал с мужчинами из этого круга по-русски, но как только беседа принимала частный характер, он переходил на французский язык; с дамами же говорил только по-французски» [7, с. 31].

Однако, как считали «краёвцы», главным для сохранения польского влияния были всё же не «сентиментальные уступки в сфере языка и религии», а отмена ограничительных земельных указов [3, с. 191]. Отмена наиболее болезненных для польского землевладения (а вместе с тем и для всего дворянского землевладения края в целом) весной 1905 г. была подготовлена деятельностью П. Д. Святополка-Мирского. На должности виленского генерал-губернатора он, преследуя цели укрепления российской власти в крае, стремился в то же время установить «доверительные» отношения с консервативными общественными кругами и считал необходимым пересмотр всей ограничительной политики [1, с. 223].

Следует отметить, что с 70-х гг. XIX в. многие губернаторы белорусско-литовских губерний и виленские генерал-губернаторы неоднократно обращали внимание на необходимость смягчения и даже отмены ограничительных мер в отношении польских землевладельцев. Этот общественный слой уже рассматривался как вполне консервативный, представляющий социальную опору российской власти в крае. В начале XX в. в условиях быстрого роста общественного движения союз с польскими консервативными силами представлялся даже необходимым. П. Д. Святополк-Мирский обращал внимание правительства на «элемент помещичий, представляющий из себя группу консерваторов. Поэтому последнеуказанная группа более спокойная, более трезвая, представляется и большей опорой для правительства» [8, л. 63 об.].

Взаимодействие П. Святополка-Мирского с местными крупными землевладельцами в результате привело к отмене значительной части антипольских законодательных ограничений, в том числе и в сфере земельных отношений. Именно это требование выдвинули перед П. Д. Святополк-Мирским, к тому моменту уже министру внутренних дел, в качестве условия участия польского дворянства в церемонии открытия в Вильно памятника Екатерине II [3, с. 189–191]. Церемония, на которой ожидалось присутствие императора, должна была продемонстрировать эффективность

политики «доверия» в деле русификации края [1, с. 224–228, 231–235]. Министр дал слово чести русского дворянина, что сделает все возможное для отмены ограничительных земельных законов. В результате достигнутых в сентябре 1904 г. договоренностей на торжествах открытия памятника присутствовали более сорока наиболее авторитетных представителей польского общества литовско-белорусских губерний. Символическим актом «примирения» стало дарование многим из них придворных должностей [3, с. 191–193; 1, с. 234].

12 декабря 1904 г. царский манифест провозгласил пересмотр ограничительного законодательства, а 1 мая 1905 г. указом Николая II были отменены наиболее болезненные для поляков ограничения в религиозной сфере и поземельных отношениях. Характерно, что впоследствии участники переговоров настаивали на своей решающей роли и личных усилий в принятии решения об отмене ограничительных норм, отрицая влияние более глобальных факторов – войны и революции [1, с. 247]. И. Корвин-Милевский послал благодарственную телеграмму уже вышедшему в отставку Святополк-Мирскому и получил от него прочувствованный ответ [3, с. 193].

Избрание в Государственный Совет дало возможность Э. Войниловичу и И. Корвин-Милевскому ближе познакомиться со многими государственными и общественными деятелями Российской империи. Они присутствовали на церемонии открытия I Государственной Думы и отметили выражение ярости и ненависти на лице императрицы-матери, волнение и страх на лицах Николая II и императрицы Александры Фёдоровны [5, с. 117; 3, с. 224].

И. Корвин-Милевский скептически оценивал уровень своих сановных коллег по Государственному Совету: «... помню только нескольких, которые имели действительно широкий кругозор и были хорошо знакомы с условиями государственного и экономического развития Европы» [3, с. 227]. Среди причин этого были элементарная нехватка знаний и внутренней дисциплины. Сам Корвин-Милевский «...ежедневно выкраивал минимум четыре часа ... для пополнения своих знаний из ...выписанных из Берлина, Парижа и Лондона новейших журналов; пользовался библиотекой Государственного Совета, достаточно богатой ... в которой никогда ни одного коллеги не встретил...» [3, с. 230–231]. Одновременно, почти в качестве анекдота, передавал слова парижского профессора права Ш. Бенуа, к которому в начале 1906 г. обратился за консультацией: «Только что у меня была с визитом госпожа Муромцева, которая от имени своего мужа, уверенного, что станет председателем Думы, а Дума превратится в Конституанту, просила подготовить для него проект конституции государства Российского, но с условием, чтобы был готов к завтрашнему утру к отходу поезда» [3, с. 225].

Критицизм Корвин-Милевского коснулся и П. А. Столыпина: «...Столыпину должен был с огромным трудом объяснять отличия между конституционным и парламентским устройством; он потребовал с меня слово чести, что в Североамериканских Соединенных Штатах министры совершенно не зависят от парламента: «Помилуйте, Ипполит Оскарович, там ведь республика!» [3, с. 229]. Для «краёвцев» антипольские интенции Столыпина были вполне очевидны и подтверждались его конкретными действиями. Но так же был вполне очевиден и масштаб его личности: «Столыпин...закончил речь своим историческим «не запугаете»; все сразу поняли, что Россию впервые после смерти Александра III направляет сильная рука...» [5, с. 127; 3, с. 262]. Именно со Столыпиным был связан и апогей политического успеха польских лоялистов Северо-Западного края. Им стало предложение П. Столыпина Э. Войниловичу занять должность товарища министра земледелия, которое тот, однако, не принял [5, с. 131; 3, с. 251]. Впоследствии бывшие «краёвцы» ностальгически вспоминали русских государственных деятелей, таких как С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, В. Н. Коковцов и других, способных подняться над узкопартийными интересами и противопоставляли их политикам возрожденной Польши [6, с. 79].

Культурно-историческая и цивилизационная дистанция, разделявшая польских помещиков белорусско-литовского края от российского общества, их положение побежденных в историческом противостоянии во многом накладывали свой отпечаток на восприятие российской власти. Однако содержащаяся в материалах общественных деятелей-«краёвцев» информация представляет безусловный интерес для изучения государственной политики Российской империи конца XIX – начала XX в.

Источники и литература:

1. Jurkowski R. Aleksander Meysztowicz – fragment «Wspomnien» / R. Jurkowski // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2004. – № 21. – С.218–249.

2. Jurkowski R. Ziemiaństwo polskie Kresów Północno-Wschodnich 1864–1904. Działalność społeczno-gospodarcza / R. Jurkowski. – Warszawa : Przegład Wschodni, 2001. – 606 s.
3. Korwin-Milewski H. Siedemdziesiąt lat wspomnień (1855–1925). Poznań, Jan Jachowski. Księgarnia Uniwersytecka, 1930. – 603 s.
4. Szpoper D. Sukcesorzy Wielkiego Księstwa. Myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1939 / D. Szpoper. – Gdańsk : Arche, 1999. – 357 s.
5. Woyniłłowicz E. Wspomnienia. 1847–1928 / E. Woyniłłowicz. – Wilno : Józef Zawadzki, 1931. – Cz. 1. – 368 s.
6. Zdziechowski M. Edward Woyniłłowicz w ostatnich latach swego życia. Tragedja kresów / M. Zdziechowski // Widmo przyszłości : szkice historyczno-publicystyczne. – Wilno : Grafika, 1939. – S. 57–85.
7. Любимов Л. На чужбине / Л. Любимов – Т. : Узбекистан, 1979. – 384 с.
8. Отчет виленского генерал-губернатора П. Д. Святополка-Мирского от 20 мая 1904 года // Российский государственный исторический архив. – Фонд 1284. – Оп. 194. – Д. 136.
9. Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

Валентин Михелько

РОСІЙСЬКА ДЕРЖАВНА ВЛАДА ТА АДМІНІСТРАЦІЯ 60-х РОКІВ ХІХ – ПОЧАТКУ ХХ ст. У СПРІЙНЯТТІ ПОЛЬСЬКИХ ЗЕМЛЕВЛАСНИКІВ ПІВНІЧНО-ЗІХДНОГО КРАЮ

У статті висвітлені погляди польських землевласників-«крайовців» Північно-Західного краю в 60-х роках ХІХ – початку ХХ ст. на вищу державну владу Російської імперії та місцеву адміністрацію, відображені деякі аспекти взаємовідносин місцевої влади та польських землевласників.

Ключові слова: Російська імперія, Північно-західний край, російська адміністрація, польські землевласники-«крайовці».

Valiantsin Mikhedzka

RUSSIAN STATE AUTHORITY AND ADMINISTRATION IN 60TH YEARS XIX – THE BEGINNINGS XX CENTURIES IN PERCEPTIONS POLISH LANDOWNERS OF NORTHWESTERN REGION

The article presents the views of the Polish landowners-«Krajowcy» of Northwestern Region in the 60's of XIX – early XX centuries about the highest state authority of the Russian empire and the local administration, reflects some aspects of interaction between local authorities and the Polish landowners.

Keywords: Russian Empire, the Northwest Territory, the Russian administration, the Polish landowners'-«the krajowcy».